

Эротическая
литература

ЭРОТИ
ЧЕСКИЕ
рассказы
древнего
Китая

Издательство АСТ
Москва

УДК 176.8
ББК 87.7(Кит)
Э81

Дизайн макета и обложки Ибрагима Халбаева

*Перевод с китайского языка Владимира Малявина
и Василия Алексеева*

Э81 Эротические рассказы древнего Китая:[сборник] /
Пу Сунлин [и др.], пер. с кит. В. Малявин, В. Алексеев. —
Москва: Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Эротическая
литература).

ISBN 978-5-17-191791-3

За ширмами из резного дерева в густом аромате дымящегося сандала и под шорох тяжелого шелка в Древнем Китае зародилось особое искусство — искусство «облаков и дождей». Этот сборник открывает читателю мир классической китайской эротической новеллистики, где плотская любовь неразрывно связана с философией, поэзией и поиском гармонии.

На его страницах оживают истории, которые веками передавались из рук в руки, скрытые от глаз строгих конфуцианских цензоров. Вы прочтете о пылких ночах в покоях императорских наложниц и тайных свиданиях ученых мужей с искусными куртизанками; о мистических союзах смертных с духами-лисичками, принимающими облик неземных красавиц, и о даосских практиках, превращающих страсть в путь к долголетию.

В отличие от западной традиции, древнекитайские авторы избегали вульгарной откровенности. Их эротика — это изящная игра метафор: распускающийся лотос, дрожащий на ветру пион, танец теней от свечи. Это литература для вдумчивого читателя, ценящего красоту слога и глубину восточной мысли.

Откройте для себя нежную и чувственную душу Поднебесной, где каждое прикосновение — это священнодействие, а каждая ночь — маленькая вселенная.

УДК 176.8
ББК 87.7(Кит)

ISBN 978-5-17-191791-3

© В.В. Малявин, перевод, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

- 6 **СЛАДОСТРАСТНАЯ,
ИЛИ ЖИЗНЬ
НЕРАЗУМНОЙ ЖЕНЫ**
Перевод Владимира Малявина
- 66 **ИСТОРИЯ ОДНОЙ КРАСОТКИ**
Перевод Владимира Малявина
- Пу Сунлин*
- 198 **ЦЯОНЯН И ЕЕ ЛЮБОВНИК**
Перевод Василия Алексеева
- Пу Сунлин*
- 213 **ДЕВА-РЫЦАРЬ**
Перевод Василия Алексеева

СЛАДОСТРАСТНАЯ, ИЛИ ЖИЗНЬ НЕРАЗУМНОЙ ЖЕНЫ

Это произведение, автор которого укрылся под псевдонимом Хозяин гибискуса (китайской розы), — один из ранних и в своем роде классических памятников китайской эротической литературы. До сих пор не удается даже приблизительно установить ни его авторство, ни обстоятельства написания и первой публикации. Оно, несомненно, существовало и имело широкое хождение в середине XVII века, поскольку упоминается в романе Ли Юя «Молельный коврик плоти» и в некоторых других сочинениях того времени. На популярность этой повести указывает также наличие разных ее изданий и параллельного заголовка: «Рассказ безрассудной жены об истории своей страсти». Французские переводчики повести, основываясь на некоторых косвенных обстоятельствах, датируют ее семидесятыми годами XVII столетия. Но мы в любом случае не ошибемся, если вслед за известным голландским китаеведом Р. ван Гуликом будем считать временем ее написания последние десятилетия царствования Минской династии — «золотой век» китайской эротической литературы.

Отметим еще несколько библиографических особенностей. Древнейшее известное издание, относящееся к 1764 году, содержит предисловие нравоучительного содержания. Анонимный автор сообщает о себе лишь то, что писал ее в некоей — несомненно, вымышленной — Академии исправления себя. В том же издании тексту повести предпослан перечень эпизодов, возможно, указывающий на наличие большого числа иллюстраций в первоначальном

издании. Наконец, в тексте повести имеются комментарии, принадлежащие некоему ученому Безрассудной страсти (намек все на то же безрассудство, фигурирующее в китайском заголовке).

Не совсем обычен и жанр произведения, в котором повествование ведется от лица распутничавшей женщины. Вообще говоря, женщина считалась в старом Китае существом более непосредственным, несдержанным, неразумным и пылким, одним словом — более инфантильным, чем мужчина, так что китайские поэты обычно писали любовные стихи от лица женщины, вкладывая в уста своего персонажа признания, которые было бы неуместно и неприлично произносить серьезному мужу. Но жанр женской исповеди и мотив раскаяния в былых прегрешениях — явление для Китая едва ли не уникальное. Интересно, что в этой исповеди совершенно отсутствует религиозный мотив — принесенный в Китай буддизмом — прегрешения и воздаяния. Судьба героини во многом предопределена врожденными свойствами ее натуры. Поначалу она творит блуд, скорее, по неведению, позднее — по необходимости, став жертвой своего бесправия или шантажа (именно это положение жертвы обстоятельств, собственно, и позволяет считать ее «безрассудной», или, в настоящем переводе, «неразумной»). Тем оптимистичнее выглядит общая тональность повести: героиня оказывается способной самостоятельно побороть свои дурные природные наклонности. Автор произведения не без иронии обнажает теневые стороны конфуцианского семейного уклада, но его повесть, как водится, только подтверждает незыблемость традиционных ценностей. Безрассудство страсти в конце концов должно подчиниться разумному чувствованию.

Владимир Малявин

Предисловие к изданию 1764 года

Чувство всегда происходит от действия человеческой природы. Природа раскрывается в чувстве, чувство проистекает из природы, природа же воистину пребывает в сердце. Когда сердце не прямо, оно погрязает в заблуждении, а когда оно заблуждается, оно больше не умеет сдерживать и ограничивать себя. Если сердце дает волю желаниям, те превращаются в страстные влечения и приводят к помрачению. Не в женских ли покоях сильное чувство особенно легко превращается в помрачение?

Можно видеть вокруг много чувственных дев, которые, не умея остановить первое движение чувства, поддаются его влечению и очень скоро познают муки испепеляющей страсти. Все их мысли обращены к одному предмету. Они не разбирают, кто родной им, а кто чужой, не желают знать, кто старший, а кто младший, не ведают, кого следует чтить, а кого презирать, не видят разницы между монахами и мирянами. Им интересны только превращения «тучки и дождика»*, и они совершенно забывают о приличиях, теряя всякий стыд. Поистине, страсть ослепляет!

Но приходит день, когда прелести женщины меркнут, и любовь в ней остывает. Она начинает задумываться о том, как жила, и, вспоминая себя в молодости, содрогается от отвращения. Увы! Чем предаваться запоздалому раскаянию, не лучше ли было предусмотрительно вести себя с самого начала? И вместо того, чтобы

* «Тучка и дождик» (юнь юй) — аллегорическое обозначение полового акта и в широком смысле любовных отношений.

гнаться за пустыми развлечениями, лишаясь доброй репутации, не лучше ли было вкусить счастье супружества и позаботиться о прочности собственной семьи?

С ранней юности надлежит учиться обуздывать свое сердце, не позволяя ему впадать в заблуждение. Тогда сердце будет всегда прямым, а чувства, рождающиеся в нем, не уведут к помрачению. Тогда, конечно же, сможешь избежать участи этой неразумной жены.

*Писано в третий день года цзяшэнь
царствования Цянълуна
в Академии выправления себя*

Краткое содержание

Часть первая

Женщина обращается к своему прошлому
Смушение сердца, угаданное соседкой
Мальчик, который не может оставить равнодушной
Братец Хойминь, понуждаемый рукой
Гнев младшей сестры и разоблачение
Хойминь возвращается к своим занятиям
Красивому слуге строят глазки
Любовное свидание в сумерках
Свадьба у Луаней
Инлан, облеченный высокими полномочиями
Страстный торг в густой листве
...Внезапно прерванный Даду
Нос к носу с деверем

Часть вторая

Дедушка сближается с госпожой Ша
В поисках невестки Ана находит свекра
Дедушка одерживает верх над двумя красавицами
Задние мысли юного Кэтао
Сын, который ни на кого не похож
Супруга отдается Фею
Инлан получает вознаграждение стоя
Две невестки поднимают кубки
Актер, представленный в надлежащем виде
Хоровод старых любовников
Наставник для сына Аны
Живой интерес к окну напротив
Зеленый Лотос уступает изысканной учености

Любовные утехи в западном павильоне
 Прежние любовники получают отставку
 Все начинают ее ненавидеть
 Хойминь глубоко оскорблен
 Все раскрыто: Ану изгоняют
 Она возвращается к матери
 И находит прибежище, поклоняясь Трем Радостям

Текст составила госпожа Чайная Роза
 Комментарии Наставника Безрассудной Страсти

На отдаленной улочке города, который некогда был частью древних городов Чжэн и Вэй¹, неподвижно сидела старая госпожа шестидесяти девяти лет, с седой головой и редкими зубами. Она развлекала себя тем, что вспоминала былое — ведь, говоря о прошлом, никогда не прослышешь докучной — и частенько наведывалась к своим благовоспитанным соседям.

Один человек из этого квартала по имени Янь Цюнкэ нанес ей визит и обратился к старой госпоже с такими словами: «Каков бы ни был ваш возраст, госпожа, ваши манеры, изящество движений и изысканность речи ничем не напоминают о старости, посохом подпирающей свою согбенность. Как же вы были прекрасны во времена вашей молодости! Увы, хоть ваше очарование и волнует меня, я родился слишком поздно и не могу свидетельствовать, каковы, при такой красоте, были ваши поступки. Но расскажите мне о них, и вы найдете во мне достойного слушателя».

Старая госпожа любезно отвечала: «Вы не спрашиваете ни о чем таком, что могло бы показаться мне неприятным. Коли вы обратились ко мне с такой просьбой, как не рассказать вам о жизни, однако, слишком уж обыкновенной?» Цюнкэ отвечал: «Не печальтесь, я запишу ваш рассказ и выправлю его»².

Сама улыбка, старая госпожа откинула длинные рукава, расправила свои одежды из некрашеного шелка, приветственно сложила руки и так начала свой рассказ: «Скоро я сойду в могилу и надо мной вырастет трава, почему же

мне, с высоты моих лет, не рассказать о счастливых мгновениях жизни, обреченной навеки исчезнуть?..»

История нашей семьи восходит к древности, к семейству Шангуань времен Танской династии. Мы более не принадлежим к этому роду, хотя и носим родовое имя. Отца моего звали Цзэ, мать была урожденная Хэлянь³. У них было лишь двое детей, моя сестра и я. Меня назвали Ана, Очарование, а мою младшую сестру — Сяньцзюань, Милашка. У меня и сейчас перед глазами, как мы, лет семи-восьми, играем во дворе среди цветущих слив. Отец предложил нам слагать стихи. У меня вышли такие строчки:

Когда мороз в саду свой нежный тклет узор,
К серебряной луне я обращаю взор.

Отец изменился в лице:

— Эта девочка, — сказал он, — со временем станет женщиной слишком доступной.

Сестра моя написала:

Если сумрак долины сокроет мою красоту,
Недоступную тени для сердца я крону найду.

Наша мать засмеялась и сказала:

— Ана похожа на ту, что написала «Красные розы», а вот Сяньцзюань будет идти по жизни достойно, не уклоняясь от добродетели⁴.

Годам к тринадцати мне перестали обрезать волосы; вскоре я стала собирать их и закалывать шпильками. Я любила гримасничать перед зеркалом, вглядываясь в свое изображение и вздыхая:

Надо же, какой-то глупец завладеет такой изысканной красоткой. **Вот они, первые волнения взбалмошной головы!** Как коротка жизнь и как долго приходится ждать!..⁵

Сестра моя услышала и принялась смеяться:

— Глупец? Почему же? Тебе замуж захотелось? Пойдем-ка лучше поиграем в мяч с нашими двоюродными братьями или посмотрим петушинные бои!

Меня заставляли учить наизусть стихи из «Книги Песен» эпохи Чжоу. Но родители бдительно следили, чтобы я случайно не прочла те из них, что считались непристойными. Именно их-то я знала наизусть и тихонько декламировала про себя. Правда, стихи о любви юношей и девушек вызывали у меня удивление и даже замешательство. Вообще-то я догадывалась, что между ними что-то происходило, как у моих отца и матери, только юношам и девушкам приходилось таиться, а родителям моим — нет. Но я по-прежнему не имела ни малейшего представления о том, что такое любовь и на что это похоже. Это «коварное дитя» из «Книги Песен», почему оно могло заставить «потерять сон и забыть о еде», и кого может волновать песнь петуха, когда «идет дождь и дует ветер»? Если «меня хотят совратить», почему я должна «ответить оплеухой»? Что означает: «Я повстречала его случайно, он именно то, что надо, с ним мне хорошо»? Как один день может быть долгим, как три месяца? И что это за «интимный союз, прочный, как моток шелка»? Все это волновало меня.

Наша молодая соседка с северной стороны слыла сведущей в любовных делах. При первой же возможности я засыпала ее вопросами.

— Какая разница между мальчиками и девочками? Что это за история с «человеком, пришедшим издалека»? Что означает «пересечь реку Ци, пересечь реки Чжэнь и Вэй», пли «ты любишь меня, и я должна следовать за тобой»? Почему о молодом человеке говорят, что это «лис, который рыщет вокруг»? Или же вот это: «Если ты не позаботишься обо мне, неужели ты думаешь, я не найду себе другого»? «Дитя-насмешник», «юный безумец», — вот сколько загадок! О чем тут речь? Нужно ли отдаваться супругу с закрытыми глазами? Не лучше ли вдвоем разделить истинное чувство?⁶

— Милочка, — сказала молодая соседка, — ты еще девушка, ты даже еще не помолвлена, ты не должна задавать таких вопросов.

— Конечно, — сказала я, — я ничего не понимаю в этих помолвках. Девушка, сама не зная как, оказывается в семье юноши, и их объявляют мужем и женой.

С таким же успехом можно остановить прохожего на улице и назвать его своим мужем!

Молодая женщина отвечала:

— Ты становишься большой, вот в чем дело: «Девушка думает о замужестве. Красивый юноша ее обхаживает». Что ж, я готова тебе все объяснить. Уши, глаза, рот, нос, руки, ноги у мальчиков такие же, как у девочек. Но в низу живота, между ног у них есть змейка, то изогнутая, то прямая; она похожа на колотушку или копье, а в иное время она — как земляной червь. Точнее всего — это острый меч, до поры остающийся в ножнах. Еще его называют *ши*, сила. Под этим генералом, защищающим крепость, расположена мошонка.

— Под животом, между ног? — удивилась я. — Но там нет ничего подобного!

— Вот потому-то их называют мальчиками, — продолжала молодая женщина. — А то, почему нас называют девочками, премудрость принципа *инь* — под животом, между ног у нас как бы ракушка. Если ее рассмотреть поближе — можно сказать, что это завядшая дыня. У них-то, висячие или стоячие, эти штуки всегда торчат. У нас же ничего не торчит и не высовывается, и едва ли можно что-то ко всему этому прибавить. Вот почему нас называют женщинами.

— И только потому, что у них есть что-то, чего нет у нас, нам приходится столько страдать?

— Такова воля Неба. Во времена далекой древности наши предки уже разделялись на мужчин и женщин. Они жили вместе в норах, берлогах, пещерах, одевались в листву, чтобы защитить себя от холода. **Очень похоже на биографии шутов из «Исторических записок»⁷**, но в разгар лета сбрасывали с себя эту видимость одежды и ходили голые. Они не знали стыда и не обращали внимания на разницу между лоном одних и удом других. Мужчины подвержены циклам дыхания *ян*, кровь у них в теплое время года так и играет, а уд тверд и крепок. Должно быть, как-то мимо мужчины в эту пору прошла женщина со своим открытым лоном; они обнялись, его уд проник в ее лоно. Скорее всего, его удивило, что она иначе устроена, и уж конечно он и представить себе не мог, что то, что произошло,

положило начало бесконечной цепочке рождений, ничем не прерываемому *со-творению* — корню всякого желания, венцу всякой любви!..

Узнав женское лоно, мужчина нашел, что оно прекрасно, и, сам не ведая зачем, продолжал совершать всяческие движения. Должно быть, он думал о том, как приманчиво женское лоно, и чем дольше он в нем оставался, тем более это было ему приятно, пока в последнем судорожном броске он не излился мощным потоком! **В это мгновение дух взлетает.** И излияние, и сам бросок наполнили его бесконечной, непередаваемой радостью. И так день за днем стали, должно быть, возникать любовные связи между мужчинами и женщинами.

— Так между ними началась любовь, — заключила я задумчиво.

— Это всего лишь предположение, — продолжала молодая женщина, — хотя и вполне правдоподобное. Однако знай, что когда уд проникает в лоно, он причиняет страдания. Это больно, и в первый раз никакого удовольствия женщины не испытывают.

— Если от этого страдают, зачем же такое допускать? — спросила я.

— Вначале, если уд большой, когда он проникает в лоно, он вызывает сильную боль, но постепенно рождается такое удовольствие, что прежде, чем оно придет, женщина не может себе представить то неопишемое блаженство, какое она может испытать благодаря лону. **Самые большие лучше всего.** И наоборот, если уд невелик, то в первый раз он боли почти не причинит, зато и потом особого удовольствия не доставит.

Все более удивляясь, я спросила:

— Как же то, что составляет страдание, может превратиться в удовольствие? Ведь то, что уже не причиняет зла, не может послужить и добру.

— Лono у девочек похоже не клейкий бутон лотоса. Для пытающегося проникнуть в него уда оно слишком сжато, неподатливо и сухо. И нет такого уда, который, как бы ни был он мал, не покажется слишком большим; ну и конечно, чем уд больше, тем больше приходится от него терпеть.